

УДК 930.(43)»375/1914»+94(438)(09)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/10

Славянские историографии Средневековья и Нового времени в исследованиях А.Ф. Грабского

Д.В. Карнаухов^{1, 2}, В.А. Спесивцева³

^{1, 3} Новосибирский государственный педагогический университет
Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

² Новосибирский государственный технический университет
Россия, 630073, г. Новосибирск, проспект Карла Маркса, 20

^{1, 2} E-mail: dvkarn@mail.ru

³ E-mail: wierra@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается один из важных аспектов научного наследия выдающегося польского историка второй половины XX в. Анджея Феликса Грабского – изучение им историографической традиции различных славянских стран с момента их зарождения до начала XIX столетия, в числе которых наибольшее внимание было уделено исторической мысли Польши, Руси/России и Чехии, а также балканских славянских стран. Представлен краткий биографический очерк в контексте эволюции научных подходов к изучению истории историографии на протяжении научной карьеры А.Ф. Грабского. Особое внимание уделяется представленной в работах историка концептуализации категории исторической мифологемы как методологического инструмента для изучения интеллектуальной истории в целом и истории исторической мысли в частности. А.Ф. Грабский был ярким представителем данного научного направления, сумев соединить в своих трудах теоретические и прикладные аспекты историографии как важного элемента исторического мировоззрения на примере, прежде всего, польских исторических концепций, в чём заключается его огромный вклад в теорию исторического познания, малоизвестный за пределами его страны.

Ключевые слова: историография, славянские историографии, Средневековье, эпоха Возрождения, эпоха Просвещения, Польша, Русь, Россия, Анджей Феликс Грабский

Slavic historiographies of the Middle Ages and the Modern Era in the studies of Andrzej Feliks Grabski

Dmitriy V. Karnaukhov^{1, 2}, Vera A. Spesivtceva³

^{1,3} Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuyskaya street, Novosibirsk, 630126 Russia

² Novosibirsk State Technical University
20 K. Marksa prospekt, Novosibirsk, 630073 Russia

^{1,2} E-mail: dvkarn@mail.ru

³ E-mail: wierra@yandex.ru

Abstract

This article examines a significant aspect of the scholarly legacy of Andrzej Feliks Grabski, a distinguished Polish historian of the second half of the 20th century. Specifically, it explores his research on the historiographic traditions of various Slavic countries from their origins to the early 19th century, with particular attention to the historical thought of Poland, Rus'/Russia, Bohemia, and the Balkan Slavic nations. The study includes a brief biographical sketch contextualized within the evolution of Grabski's methodological approaches to the history of historiography throughout his academic career. The authors place particular emphasis on the historian's conceptualization of the category of historical mythologeme as a methodological tool for studying intellectual history in general and the history of historical thought in particular. Grabski emerged as a prominent representative of this scholarly field, successfully integrating theoretical and applied aspects of historiography as an essential component of historical worldview, primarily through the lens of Polish historical concepts. This constitutes his substantial contribution to the theory of historical knowledge—a contribution that remains little known beyond his homeland.

Keywords: historiography, Slavic historiographies, Middle Ages, Renaissance, Enlightenment, Poland, Rus', Russia, Andrzej Felix Grabski

Историческое знание и как основа культурного самосознания, и как сфера научной рефлексии немислимо без обобщения и осмысления опыта его развития в различных пространственных и временных рамках. Попытки такого обобщения, особенно в сравнительном аспекте, можно отнести к наиболее ценным исследовательским практикам. Данное утверждение касается осмысления не только опыта

исторической мысли в целом, но и её региональных спецификаций. К такому может быть отнесено обобщение опыта развития славянских историографий, объединённых сходством культурных императивов.

Попыток проведения таких сравнительных исследований было немного. Самые ранние из них были предприняты приверженцами идей славянского единства на пике их популярности в XIX в. Ярким представителем этого направления был И.И. Первольф, выпускник Карлова университета в чешской Праге и ординарный профессор российского Варшавского императорского университета [7]. Попытки обобщения опыта развития славянских историографий в сравнительном аспекте предпринимались в цикле коллективных трудов советского периода [4, 5], а также в работах Л.А. Зашкильняка [3] и Г.П. Мельникова [6], посвящённых отдельным славянским странам. На рубеже XX и XXI вв. ряд аналогичных попыток сравнительного исследования был предпринят также в Польше, в частности, широкую известность получила коллективная монография «История Центрально-Восточной Европы», в которую был включен солидный историографический раздел [11], а также ряд обобщающих работ польского историка Грабского, наследию которого посвящена наша статья.

Анджей Феликс Грабский (пол. Andrzej Feliks Grabski) родился в 1934 г. в семье, имевшей большие заслуги перед польским государством. Его дедом был видный польский экономист Владислав Грабский, дважды занимавший пост премьер-министра во Второй Польской республике, а отец стал известным научным деятелем в «народной» Польше. После окончания историко-философского факультета университета Лодзи Анджей Феликс связал свою научную жизнь с этим городом и стал одним из основателей лодзиньской исторической школы. Он специализировался на изучении истории Польши Средних веков и истории исторической мысли, был автором более ста научных работ, которые приобрели широкую известность также за пределами его страны. Вклад Грабского в сравнительное изучение исторической мысли был огромен и отразился в работах, написанных в последние годы жизни и опубликованных уже после смерти ученого, в начале XXI в. К таким трудам относились «Очерк истории польской историографии» [10] и монография «История историографии» [9].

В многочисленных рецензиях на труды А.Ф. Грабского, научных некрологах и мемориальных сборниках польские коллеги профессора высоко оценили его вклад в изучение сферы исторического познания, результатом которого стало, по выражению российского исследователя Л.Е. Горизонтова, создание «компендиума по истории мировой исторической мысли, в котором он видел свой *opus magnum*, венец многолетней исследовательской деятельности» [1: 125].

Е. Доманьска характеризует этого учёного как «демистификатора идеологических ядов» и одновременно подчёркивает его вклад в изучение культурного контекста становления историографии, а также роль в её развитии мифологем, позволившего свести воедино тезисы концепций других польских историков историографии – Я. Поморского, В. Кули, В. Вжозека и Е. Топольского [8: 110]. Одним из ключевых императивов научной работы Грабского Е. Доманьска называет демонстрацию достижений польской исторической мысли на фоне западноевропейской историографии [8: 112–113].

Ученик Грабского и его коллега по лодзиньской исторической школе Р. Стобецкий выделял в качестве особенности подхода своего учителя отказ от отношения к истории историографии как к циклу последовательно сменяющих друг друга парадигм познания прошлого – которому была противопоставлена концепция «замещения» историографических моделей и соперничества между ними в рамках разных эпох различных парадигм [12: 242–243]. Таким образом, указывалось на гибкость и многофакторность анализа историографического материала Грабским и его отказ от жёстких линейных подходов.

В свою очередь А. Вержбицкий, оценивая научные достижения коллеги, сделал акцент на его стремлении доказать и обосновать важность «автономии» истории историографии в системе исторических наук, подчеркнув убеждённость Грабского в её партнёрской роли в отношении философии истории, а также праве представляющих её учёных приходить к самостоятельным выводам о «правдивости или ложности» представлений о прошлом вне зависимости от навязываемых господствующей культурной или идеологической средой ценностных императивов [13: 7].

Приведённые нами оценки современников позволяют судить о Грабском как о новаторе в сфере изучения истории наук в целом и истории исторического знания в частности. При этом, к большому сожалению, работы этого автора, за исключением одной из его ранних статей [2], не переводились на русский язык и не были удостоены обстоятельных обзоров и изучения со стороны постсоветских научных школ. Попыткой восполнения этого пробела в аспекте сравнительного изучения развития славянских историографий является наше исследование.

В монографии «История историографии» процессы зарождения историографических традиций славянских стран Грабский характеризует в главе, посвящённой эпохе Средневековья. При этом в разных разделах уделено внимание традициям Чехии и Польши, отнесённых польским автором к «периферийным странам латинской общности» и объединённых понятиями «центральноевропейское историописание»

(dziejopisarstwo środkowoeuropejskie), и «историописание русское», отнесённое к «христианскому историописанию Востока», поставленному в один ряд с византийской, армянской и сирийской историографиями. Таким образом, автор противопоставляет друг другу западную (латинскую) и восточнохристианскую историографические традиции славян, тем самым акцентируя различия между ними и связывая их развитие с влиянием разных центров интеллектуальной культуры христианского мира – Рима и Константинополя.

Польский автор выделяет в двух «центральноевропейских» славянских историографиях Средних веков общие и особенные черты.

Общими чертами названы тесная связь раннего историописания славянских стран региона с западноевропейским историописанием, обусловленность его зарождения их присоединением к «христианской семье народов», а также династический характер историографического нарратива и тесная взаимосвязанность национальной и всеобщей истории.

Специфика, по мнению Грабского, выражалась в существенном влиянии на развитие чешского средневекового историописания кириллической традиции, проявившемся в создании первых сочинений, содержавших в том числе сведения исторического характера. Наиболее ярким примером были агиографические памятники, среди которых выделялась старославянская *легенда о св. Вацлаве* [9: 102]. В той или иной форме традиция создания исторических сочинений на национальном языке проявляла себя неоднократно. Особое его внимание привлекла в этой связи хроника Далимила начала XIV в., сыгравшая существенную роль в развитии чешского национального исторического сознания» [9: 104]. Вместе с тем в целом влияние латинской традиции в Чехии было определяющим, на латыни в средневековой Чехии создавались все важнейшие исторические сочинения.

В качестве самого яркого эпизода в истории чешского средневекового историописания Грабский выделяет инициативы короля Карла, избранного императором Священной Римской империи в 1355 г. В заслугу этому монарху Грабский ставит «развертывание амбициозной программы использования историографии» с целью укрепления своей власти в Чехии и одновременно международной позиции в Европе, указывая на особую роль исторического нарратива как идеологического инструмента. Эта связь проиллюстрирована на примере «жизнеописания» *Vita Caroli imperatoris*, в котором польский учёный усматривает не только черты, характерные для средневекового стиля, но и замечает «эхо раннеренессансного итальянского индивидуализма» [9: 104], признавая тем самым новаторский характер творчества историков, привлечённых к этой работе, и подход

самого Карла, выступившего в роли соавтора их произведения, что было совершенно нетипично для историографической традиции современной ему эпохи. Ещё одной значимой «историографической инициативой» этого монарха Грабский называет создание по его заказу на пике влияния Чехии как центра Священной Римской империи, хроники Пшибика Пулкавы, в которой не только было связано воедино правление чешских монархов «от Вацлава до Карла», но и содержались элементы национальной мании величия, проявившейся в изложении истории Чехии и чехов «от Вавилонской башни» [9: 10].

В отличие от чешской традиции, польское средневековое историописание, по оценке Грабского, развивалась исключительно в рамках латинской языковой среды усилиями католического духовенства, которое способствовало распространению после начала христианизации издавна практиковавшегося на Западе обычая записи информации о важных событиях на полях пасхальных таблиц [9: 21]. Старейшие польские исторические произведения (используется польский термин *roczniki*) в этой связи «были продолжением западных, главным образом франко-германских образчиков» [9: 107].

Появление первых зрелых и сохранившихся до наших дней польских исторических произведений отнесено к началу XII в. При этом Грабский показывает их жанровую эволюцию: от изложения «деяний» (лат. *gestae*) польских монархов к «хроникам», для которых было характерно подчинение исторического нарратива хронологическому подходу в изложении [10: 22]. В этой связи первым таким произведением, отразившим не только династическую историю, но также историю государства и страны, признаётся произведение краковского епископа Винцентия Кадлубека *Chronica Polonorum*, созданное на рубеже XII и XIII вв. Для характеристики его особенностей здесь приводятся оценки авторитетных исследователей (Б. Кюрбис): среди главных отличительных черт сочинения Кадлубека выделена морализация и рационализации в оценках, подчёркнуто сочетание исторического повествования, философских размышлений с причудливым стилем изложения, что даёт основание поставить это сочинение в один ряд с лучшими литературными памятниками эпохи [9: 108]. Также отмечается, что уникальность хроники Кадлубека состояла в её общенациональном характере, так как созданные в последующие столетия произведения по большей части отражали прошлое отдельных регионов Польши, вплоть до периода консолидации страны под властью Ягеллонской династии.

Кульминацией и самым ярким эпизодом в истории историографии средневековой Польши Грабский, полностью соглашаясь с оценками своих предшественников, признаёт исторический труд Яна Длугоша,

созданный во второй половине XV в. и охарактеризованный в качестве «одного из лучших европейских исторических описаний позднего Средневековья» [9: 110]. Исследователь делает акцент на прикладных аспектах сочинения Длугоша, оценивает его роль в категориях «школы политики» для государственных мужей, в интересах управления ими государством, что сочеталось с просветительским опытом историка, занимавшегося воспитанием наследников польских монархов. Взгляд автора хроники Грабский признает «сугубо средневековым» из-за тенденциозности, провиденциалистского подхода и ориентации на интересы католической церкви, в структуры которой Длугош был тесно интегрирован [10: 26]. Так же как и в оценках наследия Кадлубека, Грабский цитирует труды коллег, в частности ссылается на мнение Я. Домбровского [9: 112], назвавшего важнейшей чертой хроники патриотический настрой Длугоша, проявившийся в активной эмоциональной позиции относительно успехов Польши, неприятию «чуждой» полякам династии Ягеллонов, болезненном восприятии территориальных потерь и т. д.

Еще одной важной традицией, которая характеризуется в главе, посвящённой эпохе Средневековья в монографии «История историографии», названо русское историописание. Этот раздел нам особенно интересен из-за специфики польской интеллектуальной культуры, важной чертой которой является избыточный полоноцентризм и предвзятость. Тем не менее Грабский, как и в характеристике чешской традиции, стремится сохранить приверженность объективному подходу.

Польский автор отмечает отличие «в различных аспектах» историописания, которое сформировалось на восточных рубежах Европы, от западноевропейской традиции, увязывая само его возникновение не только с принятием христианства, но и с происхождением связанного с ним «обряда», под которым подразумевается конфессиональная специфика. Тесная связь с Византией, по мнению Грабского, обусловила разрыв русской историографической традиции с Западом. Указывается также на роль двух факторов её развития на Руси – «государства и Церкви», с некоторым влиянием «устной традиции» исторического эпоса (былин). Особенностью, имевшей для Руси принципиальное значение, как подчёркивает автор, было развитие русской историографии «с самого начала на национальном языке» [9: 127].

Грабский также отмечает содержательную специфику русского историописания, в частности, делает акцент на характерных для него представлениях одновременно как об универсальной историографии, так и отечественной истории. Первые формировались на основе и

по образцу византийских хронографов: эта традиция признаётся польским исследователем чрезвычайно устойчивой, им указывается на востребованность самых ранних памятников даже в XVII и XVIII вв. Вторые, по свидетельству Грабского, излагались в летописях в хронологическом порядке, что сближало их с западноевропейскими хрониками и «рочниками». Упоминается также об иных формах исторических сочинений, характерных для Руси, таких как «повести» и агиографические жизнеописания (биографии).

Представляет интерес замечание Грабского о допусках в содержании «историографических текстов», которые сводились либо к дополнениям их свидетельствами о происходивших событиях, либо к изменению содержания в связи с изменяющимися политическими потребностями, что приводило к трансформации «идейного звучания» (*wymowa ideowa*) и формированию собраний летописей, определявшихся Грабским как «объединение в единое целое различных переработанных памятников, названных по месту их создания и хранения, которыми чаще всего были монастыри». Польский исследователь перечисляет ключевые историографические сочинения Руси и отдаёт должное их исследователям, среди которых отмечен вклад А.А. Шахматова.

Особый интерес представляют выводы Грабского, отражающие взгляд на историописание Руси этого польского автора как представителя иной интеллектуальной культуры. Во-первых, русская традиция, подобно историографии других стран, характеризуется в качестве инструмента легитимизации власти и «поставщика» оправданий для новых политических притязаний. Именно этим обстоятельством объясняется «извержение летописного творчества» [9: 128]. Во-вторых, признаётся существенная роль историописания для сохранения культурного единства средневековой Руси в условиях удельной раздробленности, а также поддержки «общерусского политического самосознания» [9: 129]. В-третьих, Грабский связывает, в том числе с историографией, успех воплощения в жизнь идеи объединения русских земель «под эгидой Москвы» и последующего формирования «великорусского национально-государственного сознания».

Общий вывод польского автора в целом комплиментарен для русской историографии, он видит немало сходств в её развитии с западнохристианскими традициями, но именно использование для создания исторических произведений национального языка считает ключевой предпосылкой для становления русской истории не только как истории государственной, но прежде всего как «истории национальной» [9: 130].

Сравнительному анализу традиций исторической мысли славянских стран автор «Истории историографии» также уделяет внимание в главе «Ренессансный перелом в историографии». Эти традиции характеризуются в рамках раздела, посвящённого странам Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. При этом отдельно рассматриваются польская, чешская, а также «русская и российская» (ruska i rosyjska) историографии.

Характеризуя региональные тенденции, Грабский датирует второй половиной XV в. «присоединение к инициированному в Италии движению гуманистического переустройства историографии» венгерской и польской исторической мысли, объясняя их первенство близкими контактами с итальянскими центрами гуманистической культуры, а также указывает на более позднее восприятие таких идей чешской традицией. Также общей чертой «центральноевропейских» славянских историографий, проявившейся в эпоху Возрождения, автор называет «избирательное» использование гуманистических инспираций для создания своей собственной «государственно-национальной» концепции истории [9: 240].

Достижениям польской ренессансной исторической мысли здесь уделено больше внимания, чем традициям других славянских стран из-за выраженных индивидуальных черт, отличавших польскую историографию от историографий других стран. Среди таковых выделена ориентация на создание истории своего государства-народа, причём именно эпоха Возрождения признаётся им важнейшим периодом в исполнении этой миссии. Грабский пишет: «Уже в конце XV в. среди польской интеллектуальной и политической элиты возник интерес к созданию нового, отвечающего нуждам государства и в то же время стандартам нового гуманистического историописания, целостного представления истории Польши. Великодержавная позиция польско-литовского государства сформировала потребность в принципиальной переоценке прежних взглядов на происхождение и историческую роль Польши и поляков, так как благодаря этому они могли обосновать её новое положение среди европейских государств. Возникла также потребность создания такой её исторической генеалогии, которая не только доказывала бы древность поляков и их государства, не уступая в этом иным европейским государствам-народом, но также подчёркивала бы её изначальную независимость и самостоятельность в отношении других, великодержавность, существовавшую в древнейшие времена» [9: 243].

Свои тезисы Грабский подтверждает яркими примерами, упоминая древние легенды о Лехе и польских победах над Александром Великим или Цезарем. Целью такого подхода, по мысли учёного,

было «продление» польской истории до эпох, с которыми связывалось происхождение других европейских государств-народов, «укоренение» польско-литовской державы в «новой ренессансной картине истоков народов мира». Кульминацией процесса интеграции польской истории в европейские древности признаётся «сарматская теория» происхождения Польши и поляков, которая определяется Грабским как «историческая идеология» польского государства в XVI в. [10: 43], «спроецировавшая на древнейшую историю человечества современные великодержавные политические устремления и одновременно заложившая фундамент, на котором буйно расцветёт новая польская историческая мифология» [9: 243].

С нашей точки зрения, блестящий анализ Грабского, раскрывающий сущность ключевого для становления фундаментальных основ исторического сознания и интеллектуальной культуры его страны этапа в развитии её историографии, предопределившего их развитие в дальнейшем вплоть до наших дней, раскрывает огромную научную ценность использованной при этом исследовательской методологии, позволяющей связать воедино политическое и культурное значение исторического знания, понять природу его идеологических и мифотворческих функций.

Конкретизируя описанный механизм «политизации» ренессансных историографических нарративов на примере деятельности отдельных польских историков, Грабский выделяет особую роль фундаментальных обзоров «истории поляков» (именно такая формулировка преобладала в титулах наиболее значимых трудов), отдавая первенство в информировании просвещённой публики всей Европы уроженцам Польши – Матвею Меховскому и Мартину Кромеру, написавшим свои произведения на изящной ренессансной латыни. Также отмечается важная роль историков-иностранцев, связавших свою судьбу с Польшей, среди которых выделены эльзасец Йодок Людвиг Дец и итальянец Александр Гваньини.

Ещё одной важной особенностью ренессансного этапа в развитии польской историографии для Грабского является акцент на регионализации, вызванный огромными размерами и этнокультурным многообразием польско-литовского государства. В этой связи исследователь особо выделяет сочинения, посвящённые восточным провинциям страны – Литве и Руси, признавая за польскими авторами неоспоримое первенство и даже эксклюзивность в освещении их прошлого и настоящего [9: 249].

Отмечена также и противоположная тенденция, а именно крайне низкий интерес польских ренессансных авторов к созданию трудов по всеобщей истории, такие попытки характеризуются Грабским в

качестве частных инициатив. Отдавая дань уважения единственному историку, решившемуся на такой шаг – Марчину Бельскому, польский учёный, тем не менее, критикует его за компилятивность и некритичность, выделяя в качестве достоинств создание этого произведения в гуманистическом духе и на польском языке, благодаря чему, по заключению Грабского, труд Бельского оказал влияние на исторические представления других народов, прежде всего на русскую и российскую историографию [10: 40], для которой польский язык был гораздо ближе и понятнее, чем латынь.

Сравнивая опыт развития историографических традиций Польши и Чехии в эпоху Возрождения, Грабский отмечает существенную задержку в наступлении ренессансного перелома и его слабую выраженность в развитии чешской интеллектуальной культуры. Данная особенность объясняется острым идейным противостоянием между гуситами и католиками, «стерилизовавшим» развитие национальной историографической традиции, и лишившим её ярких самобытных проявлений [9: 254]. Как результат, интерес к гуманистическим идеям, по мнению польского исследователя, здесь нашёл выражение в переводах иноязычных (преимущественно немецких) исторических произведений на чешский язык, тогда как национальная история, по заключению Грабского, излагалась в традиционном провиденциалистском духе и была ориентирована преимущественно на изложение фактов в свете идейных тенденций, характерных для того или иного лагеря.

В качестве примеров таких сочинений польский учёный упоминает хроники гуситов Богуслава Билейовского и Мартина Кутена, а также католика Вацлава Гаека, общими чертами которых, при различии в идейной направленности, называет их некритичность и тенденциозность, способствовавшие консервации характерной для Средних веков национальной исторической мифологии, тогда как принадлежность к ренессансной традиции в этих сочинениях, по мнению Грабского, проявлялась разве что в риторике [9: 255].

Анализируя особенности «историографии русской, а впоследствии московской» на рубеже Средних веков и Нового времени, Грабский не выявляет какого-либо ренессансного перелома, объясняя эту особенность тем, что данная традиция, как и прежде, развивалась независимо от перемен, затрагивавших историческую мысль стран Западной и Центральной Европы, поскольку не была ориентирована на восприятие её достижений.

Польский историк воспроизводит стереотипное мнение об избыточной чувствительности русского православия ко всем идеям, исходящим «от латинников», объясняя этим обстоятельством также

и то, что гуманистические идеи «не получили доступа в Россию и не были привиты местной литературной традицией» [9: 258]. Единственным исключением Грабский считает творчество А.М. Курбского, чьи «ренессансные инспирации» связывает с его эмиграцией в Литву и Польшу. Именно влиянием польской историографии объясняется разрыв Курбского с «доныне актуальной» для российской традиции практикой трактовки истории как инструмента в руках власти, служащего легитимизации её политики. Оценивая *Историю о великом князе Московском*, написанную в связи с выдвиганием Ивана IV в качестве кандидата на королевский трон Речи Посполитой, Грабский пишет:

«**Новаторство** (здесь и далее в цитате выделено Грабским. – Д.К., В.С.) произведения Курбского основывалось не только на том, что оно было **первым** в российской историографии описанием истории правления одного правителя, а именно Ивана IV, но также и в том, что его автор, заботясь о **достоверности** излагаемых свидетельств, информировал читателей об их происхождении. Так же как и историки-гуманисты, он занимался поиском психологических мотивов описываемых событий» [9: 263].

Грабский особо подчёркивает важность политических аспектов подхода Курбского, сводившихся к неприятию «доктрины самодержавия» и обоснованию с помощью исторических аргументов прав аристократии (боярства), что было созвучно с политической программой польско-литовских магнатов, выступавших в качестве заказчиков многих исторических произведений описываемой эпохи. В этой связи польский учёный в качестве альтернативы «московско-российскому» историописанию рассматривает формирование в тесной взаимосвязи с польской традицией «независимой» историографии на русских землях, входивших в состав польско-литовского государства, характеризуя её как преемницу литовско-русской ветви русского летописания, расширившей горизонт своих интересов под влиянием «ренессансной моды». Тем самым Грабский констатирует размежевание русской средневековой историографии на «польско-литовскую» и «московско-российскую» традиции, противопоставляя их друг другу в аспектах как идейно-политической, так и культурной ориентации. Эти акценты отражают характерную для Грабского ангажированность, продиктованную спецификой современной ему эпохи геополитической трансформации, сегментации и переориентации интеллектуальной культуры постсоциалистического восточноевропейского пространства, процесса, в котором историографические инспирации играли важную роль.

В этой связи, в отличие от «литовско-русской» ветви, традиции «московско-российской» Грабский даёт преимущественно нейтраль-

но-негативные оценочные характеристики. В частности, акцентируется роль историографии для легитимизации власти Великих князей Московских и «местных митрополитов», а также обоснования «претензий Москвы на владение всей Русью». Также польский учёный делает акцент на уничтожении или редактировании «невыгодных» для Москвы и не отвечающих продвигаемой ею картине истории, документов, доставлявшихся из сопротивлявшихся её доминированию политических центров. Тем самым Грабский подводит читателя к выводу о подчинении «московско-российского» историописания политическим интересам, что нашло выражение в постепенном формировании здесь «официальной историографии» [9: 258–259].

Первым и самым важным памятником, отразившим данную парадигму, Грабский считает *Московский свод* второй половины XV в., в котором, по его оценке, «историографический материал был организован вокруг двух ключевых для амбиций российского государства исторических идей» – самодержавия и приверженности «истинному христианству» [9: 260]. Анализу идеологического содержания «московско-российского» историописания польский автор уделяет особое внимание, посвящая ему обстоятельный обзор, и по итогам приходит к выводу о роли историографии как ключевого элемента «идеологического инструментария политической системы самодержавия» в зарождающейся России, определив в качестве кульминации этого процесса создание *Книги Степенной царского родословия* [9: 262].

Эпоха Возрождения для Грабского символизировала переход от средневекового «мифологического» историописания к «научной» историографии Нового времени, зародившейся в эпоху Просвещения и получившей мощный импульс для развития в XIX в.

В этой связи польский учёный в последующих разделах «Истории историографии» сопоставляет тенденции в развитии историографий славянских стран Центральной и Восточной Европы в этот важный период, делая акцент на позднем усвоении новых научных подходов, характерных для эпохи Просвещения, а также на их применении преимущественно к презентациям национальной истории. Помимо наиболее близкой и понятной Грабскому традиции исторических представлений своей страны рассматриваются достижения исторических школ Чехии и Словакии, «новая историография» в Юго-Восточной Европе, в том числе историческая мысль югославянских народов – хорватов, сербов и болгар, а также Российской империи. Коротко остановимся на их оценках, сделанных Грабским.

Общим для упомянутых выше историографий славянских стран в XVIII в., за исключением российской историографии, было развитие в условиях борьбы либо за сохранение национальной государст-

венности, либо за национальное возрождение в условиях её потери, либо за освобождение от иноземного гнёта. В этой связи, по мысли Грабского, историография становилась одним из ключевых элементов национальной культуры и самосознания, но проявлялась эта её роль в разных странах по-разному.

Для исторической мысли Польши было характерно следование в фарватере европейской историографии эпохи Просвещения, применение к историографическим практикам новых критических методов познания. Как результат, одной из главных инициатив по реконструкции исторического материала Грабский считает пересмотр «сарматских» представлений, сопряженный с демифологизацией, который был вызван острой потребностью отказа от представлений о вечной и совершенной социальной и политической структуре Речи Посполитой, характерных для «сарматизма».

Переломным событием, повлиявшим на переформатирование польской историографии эпохи Просвещения, стал первый раздел Польши. По мысли историка, он явился точкой отсчёта для польских интеллектуальных кругов, импульсом для осознания невозможности опоры на великодержавные «сарматские» мифологические построения, и необходимости ориентации на такие исторические категории, которые были бы адекватно восприняты в просвещённой Европе. Именно в этом контексте Грабский рассматривает вклад в развитие польской историографии Адама Нарушевича, чья деятельность привела к радикальному переосмыслению вопроса этногенеза поляков, их идентичности в европейской семье народов, чему способствовало акцентирование их обособленности «от Востока» [9: 397, 404]. Таким образом, историография эпохи Просвещения в Польше не только поставила под сомнение мифологические элементы представлений о прошлом прежних эпох, но и сделала историю частью политической практики, востребованной как обществом, так и властью в период кризиса польской государственности.

Развитие историографии Чехии и Словакии в эпоху Просвещения Грабским также рассматривалось в контексте политических условий развития этих славянских стран, а именно как часть процесса их национального Возрождения, обусловленного зависимым положением в составе Австрийской империи. В этой связи восприятию идей Просвещения чешским историописанием, по мнению Грабского, способствовала национальная ориентация чешской научной среды, отвергавшей официальные имперские постулаты. Польский учёный характеризует 40–60-е гг. XVIII в. как время серьёзной работы в русле критических исследований по чешской истории. В этот период основными вопросами становятся приход славян в Чехию, установ-

ление христианства и происхождение богемской знати. Всё это, по мнению Грабского, подчёркивало устремление чехов к политической самостоятельности. В качестве примера польский учёный указывает на изыскания Геласия Добнера, занимавшегося проблематикой происхождения славян, распространения славянского религиозного обряда и кириллицы [9: 423–424]; показывает, что память о великом прошлом чехов и славян замещала национальную травму, вызванную потерей независимости.

Словацкое Просвещение, которое в отличие от Чехии развивалось в условиях религиозной терпимости, обусловленной императорским патентом, характеризуется в контексте становления политической нации. Словацкая нация представлялась как равноправный партнёр европейских народов, обосновывая, тем самым, своё право на независимое национальное существование [9: 427]. Как отмечает польский автор, важным элементом словацкого Просвещения стало продвижение теории о формировании, в том числе и на словацких землях, Великоморавской державы, являвшейся, по убеждению словацких историков, родиной и колыбелью всех славянских народов. Грабский считает, что эти идеи, хотя не имели ничего общего с характерным для эпохи Просвещения критическим подходом к изучению прошлого, очень благожелательно воспринимались словацкой общественностью.

В сходных условиях давления на национальное самосознание со стороны властей различных империй развивались историографии балканских южнославянских народов – хорватов, зависимых от Австрии, а также болгар и сербов, борющихся за освобождение от власти османской Турции. Грабский отмечает, что в хорватской историографии возникает представление о Хорватии-Иллирии как исконной прародине южного славянства (по аналогии с осмыслением в словацкой традиции роли Великой Моравии), идеологическим профилем которого становится демонстрация былого величия хорватов и необходимости его возрождения. Эти идеи будут использованы как идеологические лозунги национально-освободительного движения XIX в. [9: 440].

Грабский пишет также об особом пути развития «православной» историографии Сербии, особенность которой заключалась в фокусировке на религиозном содержании. По его мнению, сербская историография начала развиваться в русле просветительских идей только во второй половине XVIII в. и именно тогда в ней широко применялись именно рационалистические принципы исторического познания [9: 440–441]. Специфика болгарской историографии рассматривается Грабским в большей степени с позиции подавления

национальных традиций османами. Так же как и в случае Сербии, он обращает внимание на преимущественно религиозное содержание исторических произведений и сосредоточение на исторических изысканиях духовных лиц.

В отличие от всех описанных выше славянских стран, Грабский отмечает полностью противоположные тенденции в развитии историографии эпохи Просвещения, характерные для Российской империи. В частности, историк отмечает выход исторической мысли страны из изоляции в результате реформ Петра I, сближение с западноевропейскими историографическими традициями, символом которого было участие в развитии российского историописания немецких учёных, взбудораживших общественность страны выдвижением норманской теории «генезиса России», которая вызвала бурную дискуссию в местных интеллектуальных кругах. Также Грабский отмечает постепенную секуляризацию российской историографии, характерным проявлением которой для него была деятельность государственного служащего Василия Татищева, автора первого «светского» труда по истории России, в котором её интерпретация имела характер «однозначно монархической» [9: 415].

Ещё одной принципиально важной особенностью российской историографии Грабский называет «патриотизм», затмивший характерный для европейской исторической мысли критицизм, в связи с чем польский учёный характеризует данное явление как «просвещенческую мутацию», полагая самым ярким её проявлением исторические взгляды Ломоносова, а также историков второй половины XVIII в., усилия которых были направлены на «апологию имперской политики» [9: 420], а исторические труды создавались в интересах и по прямому поручению российских монархов. Последствиями такой мутации Грабский считает характерное для российской традиции игнорирование свойственного для европейского Просвещения постулата рассмотрения всей истории с «универсалистской перспективы», а также отсутствие условий для формирования здесь «новой гражданской историографии» [9: 422].

Причина непохожести историографии России на историческую мысль других славянских стран заключалась, по мнению Грабского, в том, что лишь эта страна не только сохранила независимость, но и последовательно наращивала влияние в масштабах Европы, превратив историческую аргументацию в политический инструмент, в ущерб предназначению историографии как сферы критического научного познания.

Обзором славянских историографий эпохи Просвещения завершается сравнительное исследование Анджея Феликса Грабского в

рамках интересующей нас проблематики. Разделов о славянских странах мы не находим в последующих главах «Истории историографии», посвящённых XIX столетию, что не может быть истолковано как упущение из-за незавершённости этого труда, вызванной смертью историка в 2000 г. Из славянских историографических традиций материал по XIX в. был представлен лишь в «Очерках истории польской историографии», опубликованных в последний год жизни учёного.

Таким образом, в сравнительном аспекте Грабский провёл своё исследование славянских историографий на примере трёх эпох – Средних веков, Ренессанса и Просвещения. Именно по этим фрагментам мы можем подвести итог проделанной нами работы.

Важно отметить последовательность применения авторского методологического подхода и огромную эрудицию Грабского, который, несмотря на отдельные проявления субъективности, предопределённые «европоцентризмом» польской интеллектуальной культуры, тем не менее не выходит за рамки сугубо научного анализа. Исследователем была проведена масштабная работа по объективному сравнению различных историографических традиций. Исторические представления, характерные для разных славянских стран различных эпох, в его трудах изучены в трёх качествах: как ключевой элемент национального самосознания, как инструмент продвижения политических государственных интересов и как фактор формирования научных концепций, способствующий лучшему пониманию истории и в научных, и образовательно-воспитательных целях. Данный подход к изучению славянских историографий представляется продуктивным и создаёт перспективу для продолжения сравнительных исследований, позволяющих понять и объяснить важность сходств и различий, проявившихся на историческом пути развития славянских народов, а также роль мифологических и научных элементов в их историческом мировоззрении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горизонтов Л.Е.* Памяти Анджея Феликса Грабского (1934–2000) // Славяноведение. 2001. № 4. С. 124–126.
2. *Грабский А.Ф.* По поводу польско-византийских отношений // Византийский временник. 1956. Т. XIV. С. 302–307.
3. *Зашкильняк Л.А.* Формирование и развитие исторической науки в Польше. Львов: ЛГУ, 1986. 81 с.
4. Историография истории южных и западных славян. М.: Моск. ун-т, 1987. 260 с.

5. Источники и историография славянского средневековья: сб. ст. и материалов. М.: Наука, 1967. 288 с.
6. Мельников Г.П. Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и раннего Нового времени. М.: Индрик, 2022. 532 с.
7. Первольф И.И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 2: Славянская идея в литературе до XVIII в. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1888. 240 с.
8. Domańska E. Historia – Historiografia – Ideologia (Refleksje nad zarysem Historii historiografii polskiej Andrzeja F. Grabskiego) // *Historyka. Studia Metodologiczne*. Т. XXX. 2001. S. 109–115.
9. Grabski A.F. Dzieje historiografii. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2006. 866 s.
10. Grabski A.F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2000. 227 s.
11. Historia Europy Środkowo-Wschodniej. Т. 2 / red. Jerzy Kłoczowski; aut. t. Natalia Aleksion [i in.]; Instytut Europy Środkowo-Wschodniej. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. 353 s.
12. Stobiecki R. Andrzeja Feliksa Grabskiego droga do historii historiografii // *Przegląd Nauk Historycznych*. 2002. Т. 1, v. 1. S. 235–243.
13. Wierzbicki A. Andrzej Feliks Grabski (1934–2000) jako historyk historiografii // *Historyka. Studia Metodologiczne*. Т. XXXI. 2001. S. 3–14.

REFERENCES

1. Gorizontov, L.E. (2001) Pamyati Andzheya Feliksa Grabskogo (1934–2000) [In Memory of Andrzej Feliks Grabski (1934–2000)]. *Slavyanovedenie*. 4. pp. 124–126.
2. Grabski, A.F. (1956) Po povodu pol'sko-vizantiyskikh otnosheniy [On the Subject of Polish-Byzantine Relations]. *Vizantiyskiy vremennik*. 14. pp. 302–307.
3. Zashkilnyak, L.A. (1986) *Formirovanie i razvitie istoricheskoy nauki v Pol'she* [Formation and Development of Historical Science in Poland]. Lvov: LSU.
4. Sozin, I.V. (ed.) (1987) *Istoriografiya istorii yuzhnykh i zapadnykh slavyan* [Historiography of the History of the Southern and Western Slavs]. Moscow: MSU.
5. Nikitin, S.A. (ed.) (1967) *Istochniki i istoriografiya slavyanskogo srednevekov'ya* [Sources and Historiography of the Slavic Middle Ages]. Moscow: Nauka.
6. Melnikov, G.P. (2022) *Cheshskaya obshchestvenno-istoricheskaya mysl' Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni* [Czech Social-Historical Thought of the Middle Ages and Early Modern Era]. Moscow: Indrik.
7. Pervolf, I.I. (1888) *Slavyane, ikh vzaimnye otnosheniya i svyazi* [The Slavs, Their Mutual Relations and Connections]. Vol. 2. Warsaw: Tipografiya K. Kovalevskogo.
8. Domańska, E. (n.d.) *Historia - Historiografia - Ideologia (Refleksje nad*

zarysem Historii historiografii polskiej Andrzeja F. Grabskiego). *Historyka. Studia Metodologiczne*. 30. pp. 109–115.

9. Grabski, A.F. (2006) *Dzieje historiografii*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

10. Grabski, A.F. (2000) *Zarys historii historiografii polskiej* [Outline of the History of Polish Historiography]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

11. Kłoczowski, J. (ed.) (2000) *Historia Europy Środkowo-Wschodniej*. Vol. 2. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.

12. Stobiecki, R. (2002) Andrzej Feliks Grabskiego droga do historii historiografii. *Przegląd Nauk Historycznych*. 1(1). pp. 235–243.

13. Wierzbicki, A. (2001) Andrzej Feliks Grabski (1934–2000) jako historyk historiografii. *Historyka. Studia Metodologiczne*. 31. pp. 3–14.

Карнаухов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия); профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия).

Dmitriy V. Karnaukhov – Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State Technical University (Russia).

E-mail: dvkarn@mail.ru

Спесивцева Вера Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Россия).

Vera A. Spesivtceva – Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: wiera@yandex.ru